

Изъ Кавказскаго прошлаго.

(По воспоминаніямъ о трехгодичномъ плѣнѣ казачки Соломонида Капитоновны Гончаренко, по отцу Ярошенко, по плѣну Чупаханъ-Муляханъ-Перинъ).

Въ Терской области, въ Екатериноградской станицѣ, въ мартовскій вечерокъ, на скамеечкѣ у плетевой изгороди одного дома, въ собравшейся компаніи изъ 5 — 6 чело-вѣкъ не разъ сиживала и не очень старая казачка Соломонида Капитоновна Гончаренко, или по просту „плѣнная бабка“. Такъ какъ кое-кто въ той компаніи зналъ, что меня нѣсколько интересуесть казацкій бытъ и въ настоящемъ и въ прошломъ, то воспользовались случаемъ и, полу-шутя, предложили выслушать разсказъ „бабки“. Соломонида Капитоновна очень охотно отозвалась готовностью удѣлить мнѣ часикъ—другой времени на очень дорогія, видимо, для нея воспоминанія о всемъ происшедшемъ съ нею около 50 лѣтъ тому назадъ. Память разсказчицы, несмотря на все же преклонный ея возрастъ, оказалась довольно крѣпкой, и она весьма живо разсказывала о своемъ плѣнѣ, не упустивъ многихъ, очень характерныхъ, подробностей. Мѣстами повѣствовательница какъ бы вновь переживала свои бывшіе грустные дни, и въ голосѣ ея слышались слезы. Слушательницамъ тоже не разъ пришлось прослезиться вмѣстѣ съ разсказчицей, и я былъ счастливъ, присутствуя впервые въ своей жизни, при задушевной, простой, серьезной народной бесѣдѣ въ деревенской тиши.

Считая и интереснымъ и поучительнымъ все, что удалось услышать отъ Соломонида Капитоновны, рѣшаюсь его предать огласкѣ, съ вѣдома собесѣдницы. Ея разсказъ имѣеть значеніе для освѣщенія эпохи, послѣдовавшей за взятіемъ Шамиля въ Гунибѣ.

Да и личность самой рассказчицы, какъ истинно-русской патриотки съ молодыхъ лѣтъ, при томъ простодушной, выступаетъ въ немъ рельефно и правдиво.

Постараюсь въ передачѣ держаться близко къ дословной рѣчи Гончаренко.

— Года, въ который меня увели въ плѣнъ кабардинцы, я не упомянула,—начала свою рѣчь Соломонида Капитоновна. Думаю такъ, что было это почти въ одинъ годъ, какъ брали Шамиля и „воли“ еще не было. Тогда то мѣсто, гдѣ по нынѣшнему начинается Кавказъ, называлось линіей (границей). Мои родители жили въ Полтавской губерніи, Ромненскомъ уѣздѣ, въ станицѣ Боцланы и были вольные казаки, платили подати, а коней на службу не водили. Земли у насъ и тогда было мало, и всѣ съ окрестностей жители ходили на заработки въ „Черноморье“, гдѣ уже было замирено возлѣ линіи. Я съ отцомъ и съ братомъ, который постарше меня года на 2—3, въ тринадцать годовъ на четырнадцатомъ пошли на заработки и вмѣстѣ съ другими на покосъ и жатву. И, мѣсяца въ два пути, дошли мы до „Черноморья“ и нанялись въ Титоровской станицѣ, за Кубанью, въ степи косить и убирать сѣно.—Откосили сѣно и убрали и дали намъ Титоровскіе расчетъ.—Пшеница еще не поспѣла, вотъ отецъ и собрался въ другую станицу „Астегайскую“, верстъ за 60. Пока, говорятъ, жниво сѣять, мы будемъ дорогой крыши крыть вдвоемъ, а ты будешь мазать. Это было въ воскресный день, и, позавтракавъ хозяйскій завтракъ, всѣ, работавшіе у Титоровскихъ, разошлись въ разныя стороны.

Побрели мы по линіи, гдѣ были казачьи посты съ казармами. На посту спросили, не будетъ ли опасно. Казаки насъ очень не обнадеживали, но и не пугали. А намъ деньги для дома нужны были и, ничего не подѣлать, мы продолжали путь. Миновали мы постъ и не очень отъ него далеко встрѣчаемъ трехъ конныхъ кабардинцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ, какъ-будто, изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ.—Тогда въ войскахъ служили по 25 лѣтъ; служба была трудная-трудная, и многіе убѣгали изъ войскъ къ кабардинцамъ въ горы. Легче имъ казалось повиноваться кабардинцамъ, чѣмъ служить, и дѣлали у кабарды все, что заставляли; одни работали у хозяевъ дома, другіе, какъ дураки, разбойничали вмѣстѣ съ хозяевами. — Всѣ трое, коихъ мы встрѣтили, были на лошадяхъ разныхъ мастей и у русскаго была бѣлая. Онъ, поровнявшись съ нами, сказалъ:

— „Здравствуй, знакомый!“

— „Здравствуй“, отвѣтилъ отецъ.

— „Дай табаку на трубку“. Въ тѣ поры курили изъ черепичныхъ и глиняныхъ трубокъ.

— „Я не курю“, отвѣтилъ отецъ.

— „Огня дай!“—Спичекъ-сѣрняковъ еще не было тогда, а носили курящіе съ собой „кресало“; камешекъ кремневый и стальное „кресало“, чтобы выкрошить о камень искру на губочку и разжечь трубку.

— „У меня нѣтъ огня“ — отказалъ отецъ, чтобы они болѣе не приставали.

Братъ мой, какъ мы были въ Титоровской, пасъ барановъ и съ мирными кабардинцами разговаривать по-кабардински научился. Вотъ онъ услышалъ теперь, какъ кабардинцы эти повели между собой рѣчь про насъ.

— „Стараго надо „пупче“ (убить), говорятъ, а молодыхъ забрать.

Братъ это понялъ, закричалъ „карауль“ и бросился бѣжать назадъ и отецъ тоже, а тѣхъ двое погнались за ними, выхватили шашки, которыя такъ и засверкали на солнцѣ. Я шашекъ ранѣе не видѣла и подумала, что это они съ ножами погнались за моими родными.—Послѣ я узнала, по возвращеніи изъ плѣна, что отецъ тогда обрѣзалъ себѣ большой палецъ, какъ схватился за шашку нападавшаго на него, и палецъ у него на всю жизнь остался „культявый“. Все же они уцѣлѣли и добѣжали на постъ. У нашихъ не было съ собой никакого оружія, только были косы, да и то снятыя съ „кистей“ (съ ручекъ), и они ничѣмъ обороняться не могли... Я стояла ни жива, ни мертва съ испуга. Возлѣ меня остался русскій и все меня потихонько плетью по головѣ похлестывалъ, да приговаривалъ: „стой, стой, не бѣги; мы тебѣ „баранчука“ (жениха) найдемъ“. Была у меня думка тоже оборотиться на постъ, коли будутъ отца рубить, да вижу, что кабардинцы, отогнавши его, вертаются, я осталась.

Вотъ они двое подхватили меня подъ руки и разомъ подали русскому на лошадь и мои руки продѣли подъ его подмышки, и онъ схватилъ ихъ крѣпко, крѣпко, чтобы я не упала, да и пустились всѣ прочь съ дороги. Дорога, по которой мы шли, была „на обѣдъ“ (къ югу), а они свернули на восходъ и въ траву, чтобы не такъ было видно насъ.—Травы были большія, выше пояса, густыя, прегустыя, и по этой травѣ росли и терны, и „глоды“ („шипшина колючая“), которые мнѣ уцѣпляли за ноги и рвали кожу. Отъ страха, я сначала не чуюла боли, а только, какъ одумалась, почувствовала, какъ больно ногамъ. Бѣжали шибко и не знаю, черезъ сколько часовъ, такъ должно быть за 15—20 верстъ въѣхали въ лощину-балку.

Молча меня какъ собаку, свалили на земь, и я подумала, что стануть тутъ надо мной надругаться. По дорогѣ я растеряла всю свою одежду и подшальникъ, и кофту, и башмаки, и даже юбку. Осталась я въ одной рубахѣ, подпоясанной поясомъ краснымъ плетенымъ (по-россійски), какъ кушакъ, широкимъ или ручникомъ. И лежала я почти безъ памяти.

У нихъ, у троихъ, оказалось четыре бурки и четыре шапки. Они пересадили меня на лошадь кабардинца, который накрылся буркой, и я попала подъ бурку; опять мои руки держали въ чужихъ подмышкахъ.—Мнѣ было и тяжело, и жарко подъ буркой, и отъ тѣла кабардинца грѣло, и отъ лошади грѣло, и солнце грѣло въ послѣднихъ дняхъ мая. И опять полетѣли мы шибко; я на лошади посрединѣ, а двое тѣхъ по бокамъ.—Въ буркѣ была дырочка, какъ будто отъ кинжала. Я было хотѣла эту дырочку прокусить, чтобы хоть немножко вѣтерокъ до меня дошелъ... Въ нее я увидѣла, вдалекѣ, стадо скотины. Думала, не примѣчу ли пастуха, я бы ему закричала „караулъ“, и кинжала бы не побоялась. Но пастухъ такъ и не встрѣтился, да и скотина была не наша—буйволы, значитъ, и земля была уже не наша, а кабардинская. Еще я пока все надѣялась, что будетъ погоня за нами, если отецъ живой съ братомъ добрель до поста.

Проскакавъ еще одну-двѣ балки, попали мы въ лѣсъ и нашихъ слѣдовъ не стало видно. Лѣсъ то былъ чинаровый, густой, изъ толстѣнныхъ деревьевъ, безъ травяного покрова. Какъ нашли они чашу, такъ остановились, и я подумала, „ну, теперъ мнѣ конецъ“! Солнце было уже на закатѣ, а жажда у меня была пребольшая, инда на губахъ заструпило отъ сухости, и я думала, что умру. Но не далъ мнѣ Господь умереть, а „пустилъ бѣднаго Никиту на волокиту“!

Вотъ послышалось, что кто-то лѣсъ рубить, и кабардинцы испугались, потому и своихъ тоже боялись, чтобы не доказали на нихъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ осмотрѣть дорогу и узнать, кто былъ еще въ лѣсу.

Меня ссадили на сухіе листочки и дали мнѣ кусокъ „пышки“. Отъ сухости въ горлѣ я ее ѣсть не могла и спрятала подъ рубаху. Когда вернулся досмотрщикъ, то принесъ лѣсныхъ яблоковъ и далъ всѣмъ и мнѣ два. Послѣ яблоковъ кисленькихъ, я стала чувствовать слюну во рту и мнѣ чуть полегчало.—Бѣдные кони отъ жажды глодали кору деревьевъ. Послѣ часового тутъ отдыха, дали мнѣ шапку и бурку, при чемъ тотъ русскій сказалъ „надѣвай бурку“, кинувъ ее и шапку. Затѣмъ говоритъ: „сѣдай на лошадь“ и мнѣ было чуть отрадиѣе, что онъ говорилъ со мной по-русски. Про себя

я гадала, хоть бы что ни гуторили, не такъ было бы жутко, а то какъ съ волками была.

Вдругъ, вижу, одинъ изъ нихъ досталъ изъ-за „гозыря“ (пазухи) пасму конопля и началъ сучить веревку. Рѣшила я, что хотятъ меня вѣшать, и будутъ сейчасъ обрѣзать кожу, какъ тому казаку Ивану Борустанскому, о коемъ шла молва еще на покосѣ. Да, полагалось мнѣ, если не надругались и не надсмѣялись, то стало быть покончатъ со мной! Ужасъ я такой перетерпѣла тогда, и о сю пору духъ замираетъ, даже и сказать не могу... Они же, ссучивъ веревку, надѣли мнѣ, полумертвой отъ страху, на шею ее и какъ я сѣла на коня, тогда кабардинецъ взялъ конецъ ея въ руку и повелъ въ поводу съ веревкой лошадь. Сидѣла я уже на сѣдлѣ по-мужски и одѣта была по-мужски, а они шли и задній слѣдилъ, чтобы я не спрыгнула въ кусты. Дорога пошла по горамъ, по тропиночкамъ, и шли потихонько, а гдѣ гладкая дорога приходила, бѣжали рысью рядомъ съ лошадьми.—И стали черезъ аулы ѣхать, черезъ ихніе края. Было зорено, а мѣсяца не было. По ауламъ таково хорошо и зелено, а мнѣ грустно: не наши дома, не наши постройки и „жительство“. Въ домахъ по одному окну и то безъ стеколъ, а только ставни; дома сѣрые, не бѣленые—все не наше то. Подъ одной бѣлой горой слышали сильный шумъ падавшей изъ источника воды. Здѣсь они остановились на отдыхъ и набрали воды въ кожаный бурдюшекъ, сами напились и мнѣ дали и коней потомъ напоили. Сѣла я въ рубахѣ на камушекъ и колко мнѣ было и ногамъ босымъ колко.—Какъ кони отдохнули, да похватили травы, такъ поѣхали еще не много за полночь. Опять остановились и двое легли спать, а одинъ сторожилъ меня и лошадей.—Роса поднялась, и мы поѣхали и ѣхали до „обѣда“, а какъ солнце своротилось съ обѣда, мы подѣхали къ ихъ дому; не ѣвши пробыли 1½ сутокъ почти.

Съ дороги мы, какъ будто, сразу подѣхали къ ихъ сараямъ плетенымъ, куда кладутъ кукурузу. Тутъ встрѣтилъ насъ мальчишка, лѣтъ 12-ти, да какъ заплескалъ въ ладоши, да какъ запрыгалъ, ажно пятками доставалъ до зада! Быстро онъ побѣжалъ въ саклю (домъ) и сказалъ всѣмъ, а мои вожатые, побросавъ уздечки на соху, сами ушли въ другую саклю и не показывались.—Я сижу въ буркѣ, и шапкѣ и смотрю, что будетъ; бросили меня одну...

Тогда вышла дѣвка, ихняя барышня, -ростомъ большая, толстая и говорить мнѣ что-то по-своему, а я не понимаю. „Выпсихъ—выпсихъ“! Я это понять не могла, пока она не показала мнѣ, рукой

помахнувши на землю, значить „слѣзай“. Скоро она добавила по-русски „садись, садись“. У нихъ вѣдь жилъ бѣглый русскій, вотъ она и знала русское слово. Еще прибывшая, погода „унемшту-коньштъ“ и опять махнула рукой къ двери—„пойдемъ, дескать“, я пошла за ней въ саклю.

Въ саклѣ мнѣ показалось все некрасиво, не по-русски все. Сѣсть негдѣ, лавки нѣту, стола нѣту, стульевъ нѣтъ, среди сакли труба въ крышу надъ огнемъ. По одну сторону стоятъ сундуки въ два ряда,—сундукъ на сундукъ. Сундуки хорошіе, деревянные, не худо сдѣланы, зеленые, съ мѣдными гвоздиками.—Черезъ всю саклю протянута вѣшалка деревянная вродѣ палки длинной или жерди; на ней висятъ кабардинскія одѣяла, ватныя, ситцевыя, односпальныя и всѣ налицо; кроватей нѣтъ.—Садиться надо на заглинокъ кругомъ трубы, гдѣ намощена скамеечка изъ глины вокругъ огня. Пока огонь горить, они все копятся у него, какъ цыгане.

Сбѣжались, въ ту пору, со всего аула кабардинки, женщины и дѣвки, смотрѣть на меня, а мужчинъ не было.—Для женщинъ и мужчинъ были отдѣльныя сакли.—Сняли съ меня шапку и бурку; разглядывали меня и волосы особенно, но не очень торкались объ меня. Подивились на крестъ шейный мѣдный и сняли его съ груди и серьги изъ ушей. Дѣтишки крестъ подхватили для игры; взяла меня жалость, что они считаютъ его за игрушку и не понимаютъ, для чего крестъ нуженъ.—Вглядѣвшись въ меня, старенькія старухи попримѣчали, что ноги у меня въ крови и струнья позасыхали на ногахъ, и стали говорить по-своему „Галла-Галла“! (Господи Господи)! „О, ухаменчкигушъ“!—(бѣдненькая)! Я не вѣдала, что онѣ меня жалѣли, какъ уже пожила съ ними, такъ поприпомнила слова, которыя стала понимать.—Принесла тутъ одна сноха ложку молоденькихъ сливокъ и показала на ногу, молъ, разотри и говорила что-то, чего я не поняла и не упомнила.

Нашли онѣ у меня тутъ закрученныя въ поясѣ деньги серебряныя на три рубля („абазы“—двугривенные и пяталытники, что понадавалъ мнѣ отецъ, когда зналъ, что понапрасно я не истрачу ихъ). Взяла эти деньги дѣвка отъ меня, кои я берегла, чтобы съ отцемъ истратить... А принесли мнѣ въ деревянной чашкѣ кислаго молока со всыпанной въ него, паренной докрасна, кукурузной мукой; въ чашкѣ положена деревянная ложка.

Какъ повидѣла я, какую ѣду мнѣ принесли, такъ я загоревалась дуже, а сердце у меня запеклось. Мерѣкаю про себя! „Господи, Господи, вотъ до какой пищи я дожила; небось такъ-то собакъ у насъ кормятъ!.. И не знала я, какъ надо чего ѣсть по-ихнему, молоко ли сначала или муку, и попробовала молока, а муку не захо-

тѣла. Онѣ же, всѣмъ народомъ про меня „деркочать“ и балакаютъ и мнѣ сдавалось, что пищу эту дали въ насмѣшку. И тужила я, что и народъ со мной не нашъ, и харчи не наши; хлѣба у нихъ не было и пышки даже не давали ни крушинки...

Время подошло къ вечеру, и дѣвка взяла въ „кумчанъ“ (кувшинъ мѣдный) воды набрала и за горой, у дуба показала мнѣ умыться и сама покураулила и дала другую рубаху переодѣть. Рубаха была бѣлая, холстовая или парусовая-бязевая, съ вырѣзнымъ мужскимъ воротомъ, вся длиной до колѣнъ; а штановъ не дали.

Ночь пришла. Зачали спать ложиться. Двери у нихъ двухстворчатыя и ихъ забили на ночь клиньями, чтобы я не ушла. Мы съ дѣвкой легли на полу по одну сторону огня, а мать ея съ мальчишками по другую. Мои ноги дѣвка положила на ночь между своихъ; накрылась со мной однимъ одѣяломъ.

На утро, та же дѣвка, вставши, начала шить мнѣ штаны изъ цѣлаго полотнища кубоваго ситца, легкіе. Ходить въ нихъ я не могла, не умѣла. Какъ пойду, зацѣплю большимъ пальцемъ и разорву. Женщины смѣялись, ругали меня чернымъ словомъ: „Дьяворъ-манцыссъ“!

Обыкая понемного, скоро научилась я ихнему языку и только старалась слушать ихъ разговоръ, чтобы понять проворнѣе, да миновать побоевъ.

Работать не заставляли ничего, и мнѣ надо было сидѣть дома, пока зажили мои ободранныя ноги.

Пищу давали, но не дже хорошую и только два раза въ день. Утромъ получала кукурузную кашу (мѣшанной муки съ молокомъ больше не давали никогда), несоленую („пасту“), сыръ козій или бараній, да балыкъ—ветчину, копченую въ трубѣ сакли. Хлѣба не было и въ поминѣ; у нихъ ишеницу не сѣяли, и не видала я ни кусочка хлѣбнаго три года. Случалось, что наѣзжали къ нимъ гости и для всѣхъ варили харчей много; остатки я поѣдала съ дѣтишками безъ сроку.

Заставляли меня молиться ихнему Богу и уговаривали, объясняя, что „за это я буду „бессмэнъ“ (въ царствѣ); а не будешь молиться по-нашему, то станешь „дьяворъ—манцыссъ“. Показывая на собаку, приговаривали: какъ собака твоя будетъ. Не соглашалась я съ ними и все по-своему молилась. Чтобы они не видѣли моей молитвы, въ темную ночь я выходила въ высокую траву молиться. Въ свѣтлыя ночи я успѣвала перекреститься въ саклѣ, отвернувшись отъ огня. Имъ у огня не видно было, что я дѣлала, молилась ли, или такъ что-нибудь оправляла на себѣ. Не то, такъ, бывало, подъ одѣяломъ перекрещусь и сама и мѣсто постели своей

покрещу.—Одѣяльце было дано старенькое и рогожку старую дали, какъ собакѣ, для постели.

На третью ночь стали класть меня отдѣльно, и уже не боялись почти моего ухода. Однако, дверь все же заколачивали, чтобы слышно было, когда буду выходить. Но, можетъ быть, клали меня спать уже отдѣльно, чтобы не набраться отъ меня „нужей“ (вшей), чего у меня отъ думки завелось много—премного. Я не знала, какъ и отдѣлаться отъ этой нечистоты. Бывало, все хожу, да, сгребши въ горсть подъ рубашкой, бросаю нужей курамъ на кормъ. И куры меня попризнали и, завидя, бѣгали за мной, крича: „ко-ко-ко“. Съ головы насекомыхъ эти сыпались кучами, и кабардинка меня выстригла, чтобы я легче могла ихъ сгребать ногтями.

У этихъ хозяевъ меня называли мужскимъ именемъ „Чупаханъ“. Прозвища хозяевъ своихъ я не знала и, какъ аулъ прозывался, тоже не вѣдала. Понемногу, все же увидѣла, что ихъ аулъ стоялъ близко балки; кругомъ были горы и лѣса; кромѣ неба, ничего другого не было видно. Дороги были въ горы узкія, на арбахъ проѣхать нельзя. Хлѣбъ, просо, кукурузу возили въ мѣшкахъ кожаныхъ, на лошадей повѣшенныхъ или положенныхъ.

Къ концу мѣсяца, гляжу, почали шить для меня и кафтанъ полосатой матеріи (желтенькими съ красненькими полосками) на сѣрой подкладкѣ, не сходившійся на груди, какъ и надо по женскому покрою. И сказали мнѣ: „поѣдемъ въ Урусъ, Чупаханъ“. Опять пришли тѣ трое кабардинцевъ, и мы поѣхали въ обѣденное время. Изъ аула свернули въ другую сторону отъ Россіи, такъ какъ я ранѣе видѣла свой путь, по коему пріѣхала въ аулъ. Только я зайкнулась было, что не въ Русь—молъ, ѣдемъ, какъ на меня всѣ трое замахнулись кинжалами, даже я похолодѣла и слезы пропали. Проѣхавши горы и балки, добрались къ ночи до чужого аула и заночевали. Меня положили въ женской саклѣ съ кабардинками и ѣсть дали.— На другой день поѣхали по берегу рѣки Зеленчуцкой, гдѣ я увидѣла три маленькія (греческія) церковки съ узенькими оконцами. Спутники зачали меня спрашивать:

— „Чупаханъ, мересицъ (что это такое)?“

— „Не знаю“, говорю.

— „Это твой Урусъ“, сказали и поѣхали дальше; я имъ не повѣрила.

Къ вечеру прибыли въ какой-то аулъ и продали меня новымъ хозяевамъ. Не смогу сказать, за сколько меня продали. Только стало мнѣ оттого еще грустнѣе, что меня, христіанку, русскую и

продавали, какъ товаръ или вещь какую-нибудь. Вотъ-де, до чего я дожила, никогда не зная, что христіанъ продавать можно...

Продана я была и съ одеждой всей, въ кафтанѣ, съ шапкой и со штанами и рубашкой.—Въ новомъ мѣстѣ тоже дали мнѣ одѣяло старенькое и рогожку для спанья. Попала я уже въ хлопки и заставляли меня „кукургузъ“ молотъ въ каменныхъ жерновахъ.—Жернова цѣплялись за зубцы палкой вверху и вертѣлись, и прыгали, и громыхали гулко-гулко. Насыпала я въ середину жернововъ зерна и молола съ утра, не раняго, до обѣда.

Съ послѣобѣда мнѣ была воля. Я уходила въ лѣсъ, въ горы, будто фрукты искать. Тамъ бывало и помолюсь, и поплачу, и пожурюсь. Какъ приду домой, меня спрашиваютъ: „Муляханъ, (новое имя) „что твой плакалъ?“ Я говорю „мой не плакалъ“.—„Не плачь, твой въ Урусъ пойдетъ“, разважали онѣ меня, чтобы я весела, да „тѣлиста“ была, на работу гожа.

И за работой, въ шумѣ, я молилась, не крестясь, а только словами и все спѣшила кончать работу, чтобы на горѣ помолиться по настоящему, чтобы никто не видѣлъ. Тутъ, на колѣнахъ, я плакала себѣ вволю и говорила съ ангелами и съ Богомъ, какъ не съ кѣмъ было говорить по-русски.—„Святые ангелы и архангелы, донесите, вы, до Господа, чтобы Господь показалъ, гдѣ я наложусь въ чужой сторонѣ и въ чужой вѣрѣ!“ Помяну своихъ родныхъ и отца и брата, можетъ быть, они-де порублены, и мать свою.—Съ тѣмъ и приду домой, и легче на душѣ станетъ. Лучше для меня не было, какъ опять пойти въ горы. Бывало, сегодня поплачу и на завтра жду, какъ бы скорѣе опять пойти плакать и такъ постоянно, постоянно все такимъ же манеромъ.

Жать почти не заставляли и другой работы не давали. Однажды я пожалала съ ними просо и хвалили, что хорошо жну („кабзыдыть“), что чисто „кабзыдыть“ твой.—У нихъ работаютъ все мужчины, и пастухи доятъ козъ и скотину. Я попробовала разъ подоить сама, то заругали и вылили молоко на землю. Значить, брезговали и потому посуду тоже для меня отдѣльную держали вездѣ и бранили, если изъ ихняго „корца“ воду даже пила.

Ежедневно варили по полмѣры кукурузной каши и утромъ, и вечеромъ давали на ѣду.—По ихнему обычаю, кабардинцы ѣздятъ вездѣ безъ корма и харчей, а угощаются всегда по ауламъ, какъ въ какой заѣдутъ. Про такой случай варили гостямъ и кормили въ отдѣльной саклѣ—„гачечѣ“ (гостиной). Моя забота была готовить прозапасъ муку и два раза въ недѣлю я толкла еще просо въ ступѣ. Гостямъ изъ проса варили пшенную кашу на водѣ и безъ соли, вмѣсто которой подавали сыръ, или балыкъ мясной.

Трудно было привыкать къ несоленой-то пищѣ. Съ голоду, пробовала для себя подпекать кочанокъ кукурузы, но бранились за это и „чушкой“ называли. Сносила и брань, чтобы не голодать только. Дни уже были большіе, а у нихъ какъ хочешь, только два раза и даютъ пищу; какъ зимой, такъ и лѣтомъ, по утру да по вечеру.

Воду брали въ рѣчушкѣ, возлѣ коей стоялъ аулъ. Заберемъ съ кабардинкой котелъ, да „кумганъ“, мѣдный, луженый, на палкѣ и натаскаемъ воды вдвоемъ на всѣхъ. Большого расхода не было на воду, только для мытья и питья. Скотину не повли дома, она вся паслась въ лѣсу, лишь барановъ пригоняли на ночь въ аулъ. Стирки бѣлья почти не было ни у нихъ, ни у меня. Воду грѣли къ ночи и тогда мылись и окачивались на дворѣ, а бѣлья не мѣняли. Кое-когда я мыла лѣтомъ свою рубаху и сама оставалась въ кафтанѣ, пока рубаха высохнетъ на солнцѣ.

На зиму дровъ не припасали, а только дубовыхъ листьевъ для корму барановъ и топки. Зимы холодной не было вовсе. Топку я носила имъ и разъ занесла не въ свою саклю, и снова бранили, что я не понятлива. Горько мнѣ стало, и пошла я за саклю и громко заголосила навзрыдъ. Онѣ услышали и собрались уговаривать: „не плачь, твой въ Урусъ пойдетъ“, говорила старуха, „не въ этотъ годъ пойдетъ, не на второй годъ пойдетъ, а тамъ, послѣ, пойдетъ“. Должно быть, они уже прослышали, что скоро войнѣ конецъ, а мнѣ неизвѣстно ничего не было.

Не спознала я, когда успѣли они договориться и продали меня третьему хозяину. Только въ одинъ день присылаетъ новый—третій хозяинъ за мной своего холостого сына для перевоза въ аулъ, куда-то еще дальше. Онъ сказалъ: „собирайся, Муля-ханъ! Наша будетъ звать тебя „Перинъ“. Поѣдемъ въ Урусъ!“—Въ какое время деньги были заплачены, не догадалась я, и только послѣ у хозяйскихъ дочерей спровѣдала, что за меня взяли всего добра, съ сундукомъ и шашкой подъ серебро почти 700 рублей.

Поѣхали куда-то къ морю, и я сидѣла на сѣдлѣ впереди, а сынъ хозяйскій сзади на кульшахъ лошади и держалъ меня, немного обнявъ. Дорогой, онъ сталъ было заигрывать и по-безстыдному прижимать. Приѣхавъ въ лѣсъ, подъ чинары, велѣлъ мнѣ слѣзть: „выпсихъ“. Поняла я, что не хорошее онъ задумалъ, и заголосила, зарыдала. Тутъ-то Богъ меня и не оставилъ, а послалъ случайнаго, пѣшаго кабардинца съ топоромъ. Мой хозяинъ посовѣстился его, не сѣлъ ужъ самъ на лошадь, а повелъ ее со мной въ поводу.

Осерчалъ онъ тогда на досадную встрѣчу, потому хотѣлъ надо мной надругаться, а Богъ-то и не пустилъ этого.

Въ новомъ аулѣ оказалось большое хозяйское семейство изъ отца, матери, двоихъ сыновей женатыхъ (по двѣ жены), холостого сына и двухъ дѣвокъ—дочерей. Дѣвочки были говорючія и меня жалѣли, и поразказала я имъ, какъ братъ ихъ хотѣлъ надо мной надругаться. Онѣ и смѣялись, и плевали, и ругали его за то, что хотѣлъ опоганиться, связаться съ русской дѣвкой.

Снова я поселилась въ женской саклѣ, и была мнѣ дана опять та же работа у жернововъ. Свобода мнѣ была тутъ полная. Ознакомившись съ мѣстами, стала я ходить въ лѣсъ, нашла тамъ мѣстечко для молитвъ. И опять мнѣ становилось легче послѣ молитвъ, какъ будто съ кѣмъ поговорю. Здѣсь тоже дѣвки уговаривали меня молиться по-ихнему, да я отказалась. Молятся они три раза въ день, но только больше старики и старухи, молодые же не молятся никогда, и меня оставили въ покоѣ.

Устройство сакли было одинаково съ прежними аулами.

Дѣвки эти были много болѣе работающія, чѣмъ въ первыхъ аулахъ и, видимо, были побогаче тѣхъ. Онѣ работали и сапоги, чизмы (теплымъ валенкамъ), шапки, сѣдла, и ткали или плели золотой шнуръ.

Пища была такая же, какъ и вездѣ, и тутъ тоже я ѣла мясо лошадиное, какъ узнала о томъ у этихъ хозяевъ случайно. Копченая кобылятина сладкая на вкусъ; ну, прежде ѣла, такъ думала, что баранина. Ребрышки круглыя, бѣлыя, жирное мясо, красное, какъ хорошій окорокъ.

И тайкомъ, съ голоду я отрѣзала его себѣ кой разъ; чуть припеку на огнѣ и поѣмъ хоть безъ хлѣба или каши. Была молодая я и кушать хотѣлось не два раза на день, какъ у нихъ завелось. Случилось мнѣ такъ-то отыскать мясо, завернутое въ кожу. По шерсти кожи домекнулась я, какое это мясо, и разглядѣла лошадиную, да было уже поздно. Что дѣлать, ѣдятъ же люди, хотя и не крещеные. Лошадь вѣдь только что Богомъ не благословенная, а скотина чистая и ѣсть сама все чистое, сѣно да овесъ или пшеницу, не какъ свинья. Послѣ, у себя, узнала, что наши по болѣзнямъ и молоко кобылье пьютъ по нуждѣ тоже, и поуспокоилась.— Ъли иногда они и буйволятину, если мужчины уворовывали гдѣ и пригоняли въ аулъ. Составлялась вечерянка, и на ней были одни мужчины со всего аула, а женщины только хозяевъ той сакли, которые пригнали быковъ.

Повидала я и ихніе обычаи немного.—Дѣвки и ребята поѣвали пѣсни, но мало, а чаще при свадьбахъ и играли на чемъ-то тогда.

Свадебъ было много и на нихъ шла стрѣльба и скачку на лошадяхъ дѣлали.

Съ дѣтьми они добрые и бьютъ ихъ рѣдко и то матери. Грудью кормили трехлѣтнихъ даже ребятишекъ.

Припоминаю, что сюда, къ третьему хозяину, какъ-то привели еще одного, купленнаго закованнаго плѣнника Ивана Черноморскаго. Онъ былъ у насъ недолго; и его скоро какъ смѣняли или выкупили; я же осталась. Выходить, Богъ хотѣлъ, чтобы я еще потерпѣла—и я терпѣла. Мы, было, сначала, съ Иваномъ хотѣли убѣжать, и дѣдъ-пастухъ изъ бѣглыхъ солдатъ все подманивалъ насъ, понарочно. Дѣдъ говорилъ Ивану: „я какъ буду на ночь тебѣ оковы заирать на замокъ, такъ или ключъ оставлю или совсѣмъ не запру, а хозяину скажу, что молъ заперъ или тамъ ключъ потерялъ... вы же въ ту ночь бѣгите“. Мы не повѣрили дѣду, сомнителенъ онъ намъ былъ.

Скоро, подъ конецъ третьей зимы, стали всѣ по ауламъ собираться на войну съ русскими. Одинъ сосѣдъ въ тѣ-поры хвалился, что онъ одинъ всѣхъ русскихъ „пупче“. Мнѣ же досадно стало на его слова, и я крикнула, что-де тебя перваго русскіе убьютъ—такъ и случилось.—На третій день, по выходѣ жителей на войну, привезли этого сосѣда раненаго въ бедро. Онъ все мнѣ горевалъ, да жалился: „какъ Перинъ сказалъ, такъ и вышло; зачѣмъ твой такъ сказалъ, не надо такъ!“ И другіе всѣ мнѣ тоже долго выговаривали за мои недобрыя слова, какими я заступилась за русскихъ. Тотъ былъ человѣкъ безродный, бездомный и лежалъ въ чужой саклѣ. Кабардинки все лечили его сами и перевязывали и промывали, да не помогали, зная. Онѣ и пѣсни ему пѣли, плясали, чтобы былъ здоровѣе, но онъ все чахнулъ и къ веснѣ померъ.

Мужчины въ аулѣ собрались, обмыли его кисейной мочалкой съ водой. Положили на доски простыню длинную, въ одно полотнище, и изъ-подъ спины вытянули ее на ноги къ лицу покойника, да по-надъ головой его связали простыню уголь съ угломъ, вышло какъ мѣшокъ. Послѣ, помѣстили на носилки и рогожи и стали молиться, разводя руками и обмахивая себѣ лицо. Вырыли могилу не совсѣмъ по-нашему, съ пещеркой въ ямѣ и тамъ похоронили его полусидя, полулежа.

Вотъ къ тому времени русское войско подошло къ аулу близко. Хозяевамъ довелось утекать и дома свои бросать Они, хитрые, сперва понасыпали въ козлиные мѣшки просо, да кукурузу и свезли все куда-то, а сами, погода, собрались и меня потащили. Я недомогала; у меня начиналась оспа. Съ горы, я увидѣла много

войска: пѣхоту казаковъ и пушки. Войска стрѣляли гулко, и кабардинцы кричали „вій“ (карауль) и бѣжали дальше до тѣхъ мѣстъ, куда было свезено зерно. Мнѣ бы остаться, да больная боялась, что не успѣю закричать, какъ свои убьютъ нечаянно, или кабардинцы приколятъ. И шла я съ ними, а сама больная чувствовала себя, какъ неприкаянная.

Увидали они, что войска остановились, и тоже сами расположились въ разоренномъ, какомъ-то, аулѣ. Но бывали тогда и отъ нихъ перебѣжчики къ русскимъ и обратно. И донесли эти перебѣжчики, что въ аулѣ, въ плѣну русская дѣвка. Вышло приказаніе лазутчикамъ достать плѣнную. Кабардинцы же, провѣдавъ это, меня спрятали въ самой далекой саклѣ, и я лежала тамъ больная, одна—одиношенькая.—Скоро въ аулъ явились солдаты и съ крикомъ: „гдѣ тутъ, кто православной вѣры, выходи—выходи!“—все искали меня. До моей сакли солдаты не дошли и проникли къ моимъ хозяевамъ и требовали у нихъ русскую дѣвку. Тѣ вопили свое: аллабила (не знаемъ); „нѣту русская дѣвка“; „одинъ Богъ!“ и божились, руки поднимали къ небу. Ну и приказалъ тогда старшій взять вмѣсто меня въ плѣнъ самого кабардинца. Тому живо связали руки и пинками попхали изъ хаты, коль не хотѣлъ итти въ крѣпость Туапсе.

Это было на второй недѣлѣ великаго поста, какъ досчиталась я послѣ. Мнѣ только извѣстны были среда—пятница, да воскресенье съ субботой и то по кабардинскому названію. Ни постовъ, ни другихъ праздничныхъ дней я не могла считать и жила безъ Пасхи три года.

Къ этому времени съ кабардинцами наши уже замиряли, ибо они были разбиты и раззорены.

Ничего не оставалось моимъ хозяевамъ, какъ только отпустить меня въ обмѣнъ на кабардинца. Пришелъ на третій день за мной средній братъ плѣнника и позвалъ: „Перинъ, поѣдешь въ Урусъ!“ Не могла я сразу повѣрить тому, чѣмъ меня многожды обманули, но собралась кое-какъ и доѣхала до хозяйскаго семейства.—Вижу, мать колотитъ себя въ грудь отъ горя и волосы рветъ отъ печали, что сына ея взяли. У дѣтей я свѣдала, отчего бабка такъ убивается. Грубо дѣтишки мнѣ сказали: черезъ тебя, дьяворъ манцыссъ, дядю и тятю нашего взяли. Я, какъ будто, его пожалѣла и распросила, какъ и кто его взялъ. Дѣтишки показали на бичевку, какъ вязали отца солдаты, которые сначала выкрикивали („карамакали“) тебя. Немножко я порадовалась милости Господней ко мнѣ, а, все-таки, съ виду была горестна.—Надумали они и обшить меня немного хоть въ дорогу.—Дѣвка сшила мнѣ кофту, какъ нагруд-

никъ безъ рукавовъ, не очень новенькій и чизмы мнѣ починила. Собрали меня и на лошадь посадили, а сами боятся, что и лошадь со мной отберутъ у нихъ. Подали мнѣ бурку, башлыкъ и утречкомъ отправились въ путь по-хорошему, а не такъ, какъ въ плѣнъ везли. Боялись, что я буду жаловаться на всѣхъ. — Меня-то они самую не жалѣли, а дѣвки плакали, что колымъ пропалъ, что сами разорились, должны ѣхать въ Стамбуль. Но деньги у нихъ еще были; не хотѣлось имъ, какъ бы не заставили еще выкупъ платить, чай, думали, что на одну плѣнницу не вымѣняютъ брата.

Со мной поѣхалъ кромѣ хозяина еще и сосѣдъ. Ѣхать надо было до крѣпости всего верстъ семь, и скоро изъ-за горы мы увидѣли, при морѣ, самую крѣпость съ палатками синими и зелеными. Меня спросилъ хозяинъ: „Перинъ, мересидъ? (что это)?“. Я сказала, не знаю („зуорекъ“). А какъ подѣхали ближе, то рассмотрѣли городъ и все, что было кругомъ его и самой крѣпости Туапсе.

Ровно близко самой крѣпости увидѣла я, что солдатикъ вель лошадь на водопой къ рѣчной (сладкой) водѣ. Отъ радости я закричала ему: „здравствуй, дядя“. Онъ отвѣтилъ, а самъ все смотрѣлъ, что я была одѣта по-мужски, да голосъ у меня былъ женскій.—У воротъ насъ остановили и стали спрашивать, не плѣнную ли привезли. Какъ поузнавали, какой я губерніи, солдаты, ужъ и земляки отыскались. Мнѣ было не то любо, что земляки не земляки, а нашъ православный народъ кругомъ повидѣла.

Доложили про насъ начальнику, и онъ изъ крѣпости отдалъ приказъ привести насъ къ нему. Слышно было, какъ изъ-за стѣны начальникъ крикнулъ съ кургана (на курганѣ была его палатка): „пропустите ихъ сюда!“ Хозяинъ положилъ кинжалъ и шашку на земь у воротъ и повелъ меня на лошади къ начальнику, не очень старому еще, полковнику или генералу, я не разобрала. Тотъ и говорить мнѣ: „ну, слѣзай, умница!“ Отъ радости я вся затряслась и отъ страха какого-то ударилась въ слезы. Больше всего я боялась, что отвыкла отъ русскаго языка, а надо мнѣ теперь было по-русски гудорить.

Разспросили меня, какой губерніи, уѣзда и деревни; кто мои родители и родные поименно; гдѣ взята въ плѣнъ и когда. И такъ про все спрашивали, какъ я и въ плѣну это сама себѣ говорила, помолясь.

Начальникъ все самъ списывалъ, и солдаты собрались кругомъ болѣе тысячи и все смотрѣли на меня.—Глянула, ведутъ къ намъ сюда плѣннаго моего хозяина изъ ямы, гдѣ сидѣлъ онъ три дня на одной водѣ, и изморился дуже-дуже, даже не узнать было его.

Замѣтилъ начальникъ, что у меня на лицѣ] подсохла оспа, и

позвалъ доктора или фельдшера, чтобы объяснить, опасно ли я больна; да спасибо, докторъ призналъ, не опасно.

Начали отъ меня отбирать одежду хозяева и уже башлыкъ взяли и бурку хотѣли брать, но не позволили имъ и научили меня, что постомъ еще холодно безъ бурки и она пригодится. Солдаты, какъ увидѣли, что на мнѣ остался худой, грязненькій платочекъ, стали мнѣ бросать свои ручные платочки, кто бѣленькій, кто цвѣтной. Начальникъ все приговаривалъ: „бери, умница, бери, пригодятся“. Подобрала я ихъ подъ бурку, принакрылась однимъ, посмѣлѣла.

Отвелъ меня въ палатку какую-то казакъ, съ краснымъ верхкомъ на шапкѣ. Въ палаткѣ былъ столъ, на немъ хлѣбъ ржаной, хорошій и сложенная кровать. Велѣно было кровать разложить и сѣна принести на нее, то бурка мнѣ пригодилась для одѣяла.— Осталась я одна и сѣла на кровать по-кабардински, поджавъ ноги. Вошелъ денщикъ и увидалъ мою посадку, засмѣялся, чуть не уронилъ стаканъ чаю, что прислали мнѣ, да грудочку сахару. Чай былъ хорошій, но не сладкій, и я не знала, что его надо пить съ сахаромъ; побоялась и не пить, чтобы не осерчали за „вередованье“ (брезгливость): потихонько вылила чай въ сѣно. Сахару, хотя я не видѣла тоже сроду, но лизнула и спознала, что онъ сладкій; того я припрятала подъ бурку. Сама все глазъ не свожу съ хлѣба на столѣ и гадаю, когда бы я его сѣла—вотъ какъ!.. Голодной мнѣ какой чай нуженъ?! Хлѣба мнѣ крѣпко хотѣлось, а тронуть жутко чужое, кто бы за меня не отвѣтилъ.— Принесли мнѣ супу въ чашкѣ съ индюшатиной, лодыжку большую положили, опять-таки безъ хлѣба. Солдатикъ не догадывался сказать про хлѣбъ, а я не смѣла спросить.— Немного погодя, онъ еще пришелъ съ развѣдкой отъ начальника, не нужно ли мнѣ чего. Вотъ и сказала про хлѣбъ; къ вечеру прислали французскую булку (съ цвѣтной горшокъ) двадцати-копѣечную. Въ лавкѣ купили булку-то у турка, что торговалъ въ крѣпости. Была мнѣ радость отъ булки и ѣла ее съ сахаромъ; а черный-то хлѣбецъ все лежитъ да лежитъ...

На ночь помолилась хорошо; ужъ не совѣстно было, и не боязно среди своего народа. Все же ночью я побаявалась, не забрался бы кто, да все прошло по-хорошему. Утромъ я вышла на кашеварню, что была противъ моей палатки, и погуторила съ солдатами.— Тамъ, пришли офицеры до меня и стали меня спрашивать про кабардинцевъ. Что знала, повѣдала, не такъ же хотѣлось, противно было ихъ вспоминать. Смѣялись офицеры моимъ рѣчамъ хохлацкимъ и деньгами понадарили.

Разсудили, что я безъ одежды, и порѣшили сшить мнѣ кто

юбку, кто — пальто. Я была въ рубахѣ и сѣла на бурку какъ пенёкъ, да уголкою ея прикрылась. Они же мнѣ и шаль купили, и два головныхъ платка бѣлыхъ, и на двѣ юбки ситцу сѣренькаго, да „тику“ на рубахи. Все доставали у турка въ лавкѣ, и нитки, и иголку даже. Спросили, съумѣю ли сшить, сказала, что съумѣю. Трудно было у юбки поясъ собрать, но и это одолѣла.

Надо было переодѣться. — Вышла я за крѣпость; въ палаткѣ боялась — расползутся стряхнутыя „нужи“. Нашла кустикъ и за нимъ наскоро перемѣнила все свое и все боялась, не попасть бы опять кабардинцамъ, да и солдатъ стыдно. Было же возлѣ крѣпости собрано много кабардинцевъ. Съ берегу ихъ отправляли въ Турцію, съ женами и съ дѣтьми. Были многіе тамъ кабардинцы больные оспой и еще чѣмъ-то, умирали, и воздухъ былъ тамъ вонючій очень, очень.

На послѣдокъ пришелъ въ палатку батюшка крѣпостной, расспросилъ, узналъ, что я родомъ съ его близкихъ мѣсть. Звалъ меня въ услуженіе при матушкѣ его быть, осенью жъ вернуться вмѣстѣ съ ними. Службѣ батюшкиной осенью наступалъ конецъ. Говорилъ онъ, что моль этапомъ, умница, дольше пройдеши, настрадаешься. Мнѣ не повѣрилось и домой желалось. Подарилъ мнѣ и батюшка два рублика, да офицеры 13 рублей.

Стала я жить въ палаткѣ и у кашеваровъ гребешокъ добывала, да себѣ голову вычесывала. Позже въ лавкѣ для себя гребешокъ достала и почище себя держала; волосы же на мнѣ были короткіе.

Одинъ разъ, господа напоили меня въ ихъ палаткѣ чаемъ съ пуншемъ. И сами капали чего-то себѣ въ чай и мнѣ налили, и стала я хмѣльной и ушла скоро-скоро къ себѣ.

Обѣдать и ужинать иногда приносили, иногда я и сама ходила. Чаю тогда не пили всѣ, господа только; они меня два раза угощали съ булочкой, съ инжиремъ (винной ягодой) вязанкой.

Больше, я все съ солдатами разговаривала и про свои мѣста и про ихнюю службу. И всѣ меня жалѣли и припоминали, какъ меня искали, да какъ моего хозяина заплонили. Они же мнѣ съ горы объясняли на морѣ, какой пароходъ съ чѣмъ приходитъ: тотъ интендантскій съ провіантомъ, тотъ турецкій съ народомъ. Все я ждала, когда за нами придетъ пароходъ. Полюбила смотрѣть на море; по три раза въ день глядѣла и все къ дому родному смотрѣлось...

За мной, дней черезъ трое, явились въ крѣпость бѣглецы отъ кабардинцевъ, бывшіе солдаты, которыхъ Царь простилъ. Дальше того, пришелъ паренъ, лѣтъ 17-ти, Иванъ Борустанскій, тоже увезенный кабардинцами отъ отца въ полѣ, на уборкѣ сѣна въ семи-

лѣтнемъ возрастѣ. Ему задалось хитро убѣжать отъ кабардинцевъ. Былъ онъ тамъ пастухомъ при буйволовома стадѣ. Свилъ онъ изъ хмѣлины веревку, да попривязывалъ быковъ въ лѣсу, чтобы не сразу домой пошли, а самъ на утекъ въ крѣпость. Только, сначала вывѣдалъ онъ, гдѣ полки стоятъ и зори бьютъ. Забралъ съ собой оружіе и убѣжалъ. Онъ за десять лѣтъ мало забылъ русскій языкъ и скоро научился грамотѣ въ солдатской школѣ въ крѣпости. За Иваномъ, слѣдомъ, пришла женщина съ двумя сынами и съ дѣвочкой. Дочка была похожа на мать, а сыновья въ кабардинцевъ черноголовые. — Пришла и стала на колѣни передъ крѣпостными воротами и голосить: „моя урусъ, моя урусъ“. По-русски плохо знала; ребенкомъ малымъ увезли ее въ плѣнъ. Мужъ ея-то и всѣ его родные уѣхали въ Стамбуль, а ея дѣти отказались быдто ѣхать туда. „Мы въ урусъ хотимъ, тамъ бѣлый хлѣбъ ѣдятъ и въ сапогахъ ходятъ, коли холодно, не въ чизмахъ!“—Приняли и ее, стало мнѣ веселѣе, дѣтей тоже стали въ крѣпости учить грамотѣ.—Прошло еще много поста, и набралось народу бѣглаго много для этапа.

Пасху встрѣтили всѣ таково-то радостно, таково-то весело, какъ уже давно не встрѣчали. И куличей, и яичекъ намъ дали. На третій день назначили отправку этапа на пароходѣ въ Новороссійскъ. Радовались всѣ и болѣе всего мы съ Иваномъ; онъ звалъ меня съ собой въ Борустанъ повѣнчаться, да я не согласна была. Послѣ узнала, что, въ тѣ поры, отецъ работалъ въ Борустанѣ, я же не чуяла и трафила путь до дому.

Въ дорогу дали мнѣ черевики, портянки, юбку, денегъ, не помню сколько. Забрали на пароходъ всѣхъ, въ самый третій день Христова дня, вольныхъ, невольныхъ, меня, Ивана и ту женщину съ дѣтями. Въ обѣдъ выѣхали, къ вечеру были въ Новороссійскѣ. Размѣстили насъ съ этапа по квартирамъ у мужиковъ. Мужички попались добрые, жертвовали рубахи, когда узнали, что мы были плѣнныя женщины. — Провіантъ получали отъ людей, по квартирамъ. Деньги казенныя получали на пропитаніе, на покупку вещей. Деньжатъ понабралось довольно и одну пятирублевую бумажку я зашила въ подкладку пальто. Однако дорогой кто-то у меня скралъ ее, выкусилъ подкладку зубами и унесъ.

Въ Новороссійскѣ побыла немного дней, пока собрался этапъ въ мою сторону, и пошла сначала съ Иваномъ три этапа. Дальше пришлось идти одной съ арестантами. Я-то на подводѣ сидѣла, тѣ же въ кандалахъ-шли пѣшкомъ. Иванъ ушелъ подъ Пятигорьемъ къ себѣ, меня направили въ Полтавскую губернію. По

дорогѣ, никто тоже не обижалъ и арестанты были добрые всѣ. Только, въ какомъ-то городѣ, въ (волостномъ) правленіи, гдѣ сдавали насъ для отвода по квартирамъ, какой-то писарекъ окликнулъ меня. — „Умница, зайди сюда, въ комнатку!“ Я взглянула, коморочка маленькая, и остановилась у двери. Онъ былъ одинъ и просилъ меня познакомиться. Я сказала: „какое мнѣ знакомство, я не въ такихъ рукахъ была, да не знакомилась!“ Онъ опять свое почалъ баять: „не можетъ быть, коли ты въ такихъ рукахъ была и знакомствъ не знала!“ Я тоже ему свое отвѣтила: „ничего мнѣ не нужно, иду я домой, всѣмъ довольна и деньги имѣю и пропитаніе!“ Хлопнула дверью и пошла себѣ. Писарекъ пригорюнился: „смотри, плохо будетъ тебѣ!“ И вправду, сѣла я на подводу, а десятникъ меня не выкликнулъ на квартиру и отправили сейчасъ на этапную избу, на женскую половину. Тамъ затосковала и загоревала. Особо журилась, какъ ночью надѣли на меня кандалы и на слѣдующихъ этапахъ стали приковывать къ другимъ женщинамъ, кои встрѣчались съ партіей нашей и шли закованныя за свои дѣла. — Какъ только на этапѣ я оставалась одна, я снимала кандалы черезъ мои маленькія руки. Довелось какъ-то, что одинъ арестантъ меня пожалѣлъ и научилъ пожаловаться начальнику этапа въ Бахмутѣ, гдѣ арестантовъ должны были тому сдать. Послушавшись, стала было жаловаться, да сама и расплакалась отъ горя; ужъ солдатъ и арестанты досказали ему за меня всю правду. — Она-де шла вольной, а потомъ, такъ и такъ стали заковывать въ ручки. — Начальникъ тотъ сжалился и промолвилъ, „не плачь, дѣвочка!“ Въ бумаги нужныя посмотрѣлъ да и выругался: „ахъ онъ, такой-то сынъ!“ и успокоилъ меня и отправилъ на квартиру. — И молюсь я Богу и за арестанта того, и за начальника, коли живы, чтобы далъ имъ Господь благополучно здравствовать, а ежели умерли, то послалъ бы небесное Свое царствіе.

Шли мы по 7—10 верстъ въ день этапную станцію и больше ждали, чѣмъ шли. Мнѣ бы такъ и бѣжалось. Попыталась было проситься, пустили бы одну, да не позволили. Мнѣ-то чѣмъ ближе, тѣмъ охотнѣе домой. Шли мы до Покрова такъ-то и на Покровъ дошли до Роменъ; оттуда на станицу Бацманы.

Отъ станицы нашъ домъ стоялъ версты за три, да и дома-то вовсе не было, по-настоящему. Мать жила на хуторахъ, изъ милости, у пана Верещаки, въ господской хатенкѣ, водила только гусей. Отецъ былъ въ Борустанѣ на заработкахъ, а братъ, что былъ со мной до плѣна, пасъ Верещакинскихъ быковъ. Братъ первый и замѣтилъ меня издалека, какъ я шла съ десятникомъ къ дому изъ станицы; по походкѣ опозналъ тогда меня.

Дома, какъ разъ, былъ обѣдъ; поѣли уже борщъ, и мать несла дурашную (тыквенную) кашу съ загниѣлки на столъ.—Собака забрехала, а сестренка въ окно увидѣла меня и сказала: „мама, Соломонида идетъ!“ Мать, какъ бросила чугунокъ съ кашей, да какъ выбѣжала въ сѣнцы и обхватила меня и заголосила. „Гость мой, гость дорогой мой! Ужъ откуда ты взялся, гость дорогой!“ И она плакала, и я плакала; а сестра и плакать не могла отъ радости; прочія дѣти были на дворѣ.—Десятникъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на насъ, подивовался и пошелъ обратно... „Ну, раздѣвайся, съ дороги надѣвай рубаху!“ говоритъ мнѣ мать.—„Да на мнѣ все чистое, мама, и „нужей“ нѣтъ ни одной.—Когда сердце отошло, сѣли обѣдать и ѣли, не ѣли, а больше смотрѣли другъ на дружку.

Къ вечеру, братъ, какъ загналъ скотину барскую, такъ и прибѣжалъ повидаться. Тутъ онъ рассказывалъ, какъ они съ отцомъ обернулись тогда на казачій постъ, какъ собрали погоню и по слѣдамъ меня искали и одежду мою подобрали, а въ лѣсу слѣдъ потеряли и остановились.

Тоже и я ему рассказала, какъ всѣ годы проплакала и думала, что они оба не живы.

Матери-то они про меня не говорили ничего худого цѣлый годъ, обманули ее, что я, будто гдѣ, тамъ нанялась далеко, въ Черноморьи. Отецъ все надѣялся скоренько меня выхлопотать и скрывалъ отъ матери. Ушелъ съ тѣмъ изъ дома, чтобы деньги добывать на мою свободу, и все высылалъ на хлопоты обо мнѣ да приказнымъ. Случайно матери про меня сказала одна женщина всю правду и братъ подтвердилъ все.

Закручинилась мама тогда отъ того разговора и пошла по ворожеямъ. На соли, углѣ, хлѣбѣ да печинѣ (глинѣ изъ печного чела) все ворожили ей. И за упокой меня поминала, чтобы мнѣ быть живой. Мнѣ-то отъ этого въ плѣну только досадливѣе было, какъ поминъ творили. Отойдетъ поминъ, и мнѣ легче становилось.

По приходѣ моемъ, на другой день, мать позвала меня къ бабушкѣ, коей было 108 лѣтъ. Бабушка была слѣбовата, и мать ей объяснила, что Господь меня домой принесъ, и такъ-то всѣ радовались сильно крѣпко.

Пришла я изъ плѣна, ужъ воля дана была и замиренье было по Черноморью.

Отъ радости ли тутъ, или отъ чего иного, мама скоро заболѣла водянкой, и черезъ семь недѣль, подъ вечеръ скончалась на 40-мъ году жизни. Была я при матерней кончинѣ и жуткота на меня напала. Открыла я окно и смотрю на улицу, а въ хату взглянуть на

мертвую боюсь, пока не пришли люди. Дивилась на себя, сколько горя повидѣла и страху всякаго натерпѣлась, да мало чего боялась, а мертвой родной мамы запугалась, обробѣла.

Схоронивши мать, мы съ братьямъ хотѣли, раздавши роднымъ дѣтей, идти къ отцу. Вдругъ, пришла бумага съ взысканіемъ съ меня 7 р. 50 к. казенныхъ денегъ за этапный путь и за содержаніе, за портянки и черевички. Пришлось мнѣ наняться въ работницы за 8 рублей въ годъ, чтобы заплатить казнѣ, да получить билетъ на дорогу къ отцу.—Отправились мы, на другой годъ, съ народомъ на Кубань, какъ и прежде ходили на заработки и какъ и теперь ходятъ наши люди. Перешли мы 700 верстъ въ два мѣсяца и отыскали отца въ работникахъ и повидались съ нимъ и породовались обо мнѣ и погоревали о матери и дѣтяхъ малыхъ.

Туть же я нанялась въ работницы къ отставному солдату за 18 рублей, отъ Троицы до Покрова.—Срокъ за работой ушелъ скоро, и я осталась ни съ чѣмъ опять. На мое счастье, у солдата была тетка, имѣвшая двоюродную сестру въ Екатериноградѣ. Онѣ переписывались кое-когда, и та двоюродная сестра имѣла сына взрослога и все думала, какъ лучше бы его оженить на хорошей дѣвкѣ. Писала она объ этомъ солдатской теткѣ и просила, чтобы та высматривала для ея Ванюхи дѣвку изъ російскихъ, какъ придуть наниматься. Вотъ тетка и извѣстила ту про меня, что я не гулящая, работала, никуда не уходила отъ дома. Тогда тѣ пріѣхали и просватали меня у отца за Ивана Сухорукаго; дали отцу „на столъ“ денегъ 9 р. с. и только. Перевѣнчались мы въ Екатериноградской, и я осталась туть навсегда.

Батюшка ко мнѣ сюда пріѣзжалъ изъ Борустана два раза и внучку няньчилъ; да все же скоро и умеръ. Братъ тоже умеръ еще ранѣе отца въ Борустанѣ же.

Живя здѣсь, услышала я, что люди ходятъ все молиться на Новый Аeonъ и баютъ, что, ѣдучи туда, садятся на пароходъ въ Новороссійскѣ да заѣзжаютъ въ Туапсе. Тогда я надумала, ужъ кому-кому, а мнѣ прежде другихъ надо сходить помолиться вблизи тѣхъ мѣстъ, откуда меня Господь вывелъ на свѣтъ и на родину.—Побывала я пѣшкомъ съ мужемъ и одна на Аeonѣ Новомъ, заходила и въ Туапсе однажды. Многое въ Туапсе тамъ теперь измѣнилось, на крѣпость не стало похоже. Поплакала я тамъ, вспоминая лихую „былинку“ свою.—Подходя, впервые къ Новому Аeonу, признала я то мѣсто, гдѣ теперь монастырская мельница, ту самую гору съ падающей водой, гдѣ допрежь мнѣ плѣнщики-лиходѣи мои дали водицы.—По Зеленчуцкой рѣкѣ припомнила три греческія церкви,

тогда загономъ для скотины бывшія у кабардинцевъ, теперь обстроеныя и вычищенныя.

На Аeonъ я и поговѣла и родителей помянула, и дивно таково мнѣ показалось все бывшее мое, какъ его устроилъ Господь Богъ и для меня самой, и для матушки Россіи.

Надо сознаться, что про такихъ Соломонидъ Капитоновыхъ и подобныхъ имъ мы мало знаемъ и плохо ихъ понимаемъ. Онѣ, между тѣмъ, „видавшія виды“, не мудрствуя лукаво, доживаютъ свой вѣкъ, въ добрѣ воспитывая уже третье молодое поколѣнье на пользу Царю и Отчизнѣ.

Д-ръ Е. Аничковъ-Платоновъ.

